

Оригинальная статья
УДК 811.111
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-128-142>

Образы Луны и Солнца в поэзии Ф. Г. Томпсона

Мария Васильевна Семенихина

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия,
euphemia@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4645-4595>*

Введение. Статья посвящена анализу метафорических моделей, описывающих две ключевые мифологемы в творчестве английского религиозного поэта рубежа XIX–XX вв. Ф. Г. Томпсона – Луну и Солнце. Актуальность проводимого исследования связана с возрастающим интересом к репрезентации индивидуально-авторской картины мира в поэтическом тексте и с тем, что творчество Ф. Г. Томпсона в отечественной филологии остается малоизученным.

Методология и источники. Исследование базируется на когнитивной (концептуальной) теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Эмпирической базой послужили стихотворения и поэмы Ф. Г. Томпсона «A Corymbus for Autumn», «Orient Ode», «Ode to the Setting Sun», «The Mistress of Vision», «An Anthem of Earth», «Sister Songs», «The Night of Forebeing», «The Hound of Heaven», «The Song of Hours», «The Sere of the Leaf», «The Dead Astronomer», «Ad Amicam», «Ad Castitatem», «Love Declared», «Nocturn», «Assumpta Maria», «To a Poet Breaking Silence», «Arab Love-Song», «Victorian Ode».

Результаты и обсуждение. В ходе анализа установлено, что в поэзии Ф. Г. Томпсона образы Луны и Солнца противопоставляются как «пассивное – активное», «слабое – сильное», «целомудрие – страсть», «холод – тепло», «вода – огонь», в меньшей степени «смерть – жизнь», «женское – мужское» и «языческое – христианское». Солнце – источник жизни, красоты и поэтического вдохновения, и, кроме того, движение Солнца по небу в течение суток помогает людям понять историю и смысл смерти и воскресения Христа. Луна же, несмотря на свою холодность и пассивность, тоже играет необходимую роль в мироздании (например, управляя природными циклами и выступая посредницей между Солнцем и людьми).

Заключение. Образы Луны и Солнца органично вписываются в общую систему образов поэзии Томпсона, в которой автор стремится создать образ одухотворенной Вселенной, наполненной присутствием Бога. Солнце – центральный образ поэзии Томпсона, активно действующий персонаж, нередко уподобляющийся Христу; Луна более пассивна и сильнее связана с язычеством и смертью (что, однако, не придает ее образу негативных коннотаций).

Ключевые слова: Ф. Г. Томпсон, английская поэзия, теория метафоры, индивидуально-авторская метафора

Для цитирования: Семенихина М. В. Образы Луны и Солнца в поэзии Ф. Г. Томпсона // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 6. С. 128–142. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-128-142.

© Семенихина М. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Images of the Moon and the Sun in the Poetry of F.H. Thompson

Maria V. Semenikhina

*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia,
euphemia@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4645-4595>*

Introduction. The article considers the analysis of metaphorical models describing the Moon and the Sun, two key mythologems in the works of F.H. Thompson, a religious English poet of XIX-XX centuries. The research relevance is connected with the growing interest in the representation of the individual author's worldview in a poetic text and with the fact that the work of F.H. Thompson in Russian philology remains poorly studied.

Methodology and sources. The research is based on the conceptual metaphor theory by G. Lakoff and M. Johnson. The empirical basis of the study was the poems by F.H. Thompson "A Corymbus for Autumn", "Orient Ode", "Ode to the Setting Sun", "The Mistress of Vision", "An Anthem of Earth", "Sister Songs", "From the Night of Forebeing", "The Hound of Heaven", "The Song of Hours", "The Sere of the Leaf", "The Dead Astronomer", "Ad Amicam", "Ad Castitatem", "Love Declared", "Of Nature: Laud and Plaint", "Nocturn", "Assumpta Maria", "To a Poet Breaking Silence", "Arab Love-Song", "Victorian Ode".

Results and discussion. The analysis revealed that in F.H. Thompson's poetry the images of the Moon and the Sun are contrasted as "passive – active", "weak – strong", "chastity – passion", "cold – heat", "water – fire", to a lesser extent "death – life", "female – male" and "pagan – Christian". The Sun is a source of life, beauty and poetic inspiration, and, in addition, the movement of the Sun across the sky during the day helps people to understand the story of Christ's death and resurrection and its sense. The Moon, despite its coldness and passivity, also plays a necessary role in the universe (for example, controlling natural cycles and acting as an intermediary between the Sun and mankind).

Conclusion. The images of the Moon and the Sun fit seamlessly into the general system of images of Thompson's poetry, in which the author seeks to create an image of a spiritualized Universe filled with the presence of God. The Sun is the central image of Thompson's poetry, an active character, often likened to Christ; the Moon is more passive and more strongly associated with paganism and death (which, however, does not make its image negative).

Keywords: F.H. Thompson, English poetry, metaphor theory, individual author's metaphor

For citation: Semenikhina, M.V. (2023), "Images of the Moon and the Sun in the Poetry of F.H. Thompson", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 128–142. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-128-142 (Russia).

Введение. Цель настоящего исследования – классификация и анализ метафорических моделей, используемых для создания образов Луны и Солнца, ключевых для образной системы творчества Ф. Г. Томпсона, английского религиозного поэта рубежа XIX–XX вв. В отечественной филологии поэзия Томпсона, как и английская религиозная поэзия второй половины XIX в. в целом (К. Пэтмор, Дж. М. Хопкинс), исследована мало; единственной фундаментальной работой на русском языке, касающейся творчества Томпсона, остается диссертация О. В. Казаковой [1]. В литературной критике неоднократно отмечались «монументальность» стилистики Томпсона и сложность создаваемых им образов и символов, а его поэзия анализировалась в религиозно-философском и литературоведческом аспектах, но практически никогда – с точки зрения поэтики художественного текста. Поэтому анализ

текстов Томпсона с применением современной теории метафоры представляется продуктивным и актуальным.

Методология и источники. В настоящей работе мы опираемся на когнитивную теорию метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [2], согласно которой сущность метафоры – *understanding and experiencing one kind of thing in terms of another* (понимание и переживание одного явления в терминах другого) [2, р. 5], и сами процессы человеческого мышления во многом метафоричны [2, р. 6]. Через метафоры человек структурирует и интерпретирует окружающий мир, и потому система метафор, создаваемая автором в художественном тексте, демонстрирует его способ концептуализации реальности, эмоциональное отношение к ней, а также соотношение индивидуального и культурно обусловленного в его картине мира.

Материалом исследования послужили стихотворения и поэмы Ф. Г. Томпсона [3]. Как отмечает О. В. Казакова, «одним из основных мотивов поэзии Томпсона является мотив одухотворенной природы, воплощающей божественную идею» [1, с. 56]. Мотив одухотворенной природы – составная часть универсальной системы религиозных символов, которую Томпсон пытался создать в своей поэзии и в которой символы христианской религии сосуществуют с символами и образами, заимствованными из языческих мифов и наполненными новым христианским содержанием: «Стремление к изображению целой Вселенной, где все абстрактное и далекое предстает ярким и конкретным, где явления природы и смена времен года, земля и стороны света – становятся одушевленными, привело поэта к необходимости создать свою систему образов» [1, с. 60].

Результаты и обсуждение. На основании анализа текстов стихотворений и поэм Ф. Г. Томпсона были выявлены следующие метафорические модели, которые объединяются в группы: MOON/SUN IS HUMAN BEING, MOON/SUN IS ANIMAL, MOON/SUN IS INANIMATE OBJECT.

1. Луна.

Группа MOON IS HUMAN BEING (Луна – это человеческое существо). Это самая многочисленная группа моделей, что согласуется с идеей одухотворенной природы как основного источника порождения образов в творчестве Томпсона. Антропоморфизм Луны в поэзии Томпсона подчеркивается, в частности, тем, что применительно к ней нередко употребляется местоимение *she*, а не *it*.

Соматизмы. В творчестве Томпсона существуют три противопоставленных портрета Луны как человеческого существа. В поэме «Sister Songs» Луна предстает в стандартно поэтической ипостаси бесстрастной и целомудренной богини Дианы. У нее прохладные кончики пальцев, с которыми сравниваются лунные лучи, касающиеся лица спящей героини, но эти пальцы (*finger-tips*) тают от соприкосновения с живыми и теплыми губами девушки: *Dian's chill finger-tips Thaw if at night they happen on thy lips* [3, р. 115]. Там же Луна «стыдливо» закрывает лицо вуалью, спускающейся до подбородка (*chin*): *The moon's young roudure through the shamefast veil Drawn to her gleaming chin* [3, р. 210].

В стихотворении же «A Corymbus for Autumn» Луна из холодной и неприступной весталки под влиянием чар Осени превращается в хмельную и дерзкую вакханку, и ее пере рождение подчеркивается употреблением соматизмов, имеющих эротические коннотации (*cheeks, breast, mouth*), и эпитетов, обозначающих цвета теплой красно-коричневой осенней

гаммы: *Tanned maiden! with cheeks like apples russet, And breast a brown agaric faint-flushing at tip, And a mouth too red for the moon to buss it, But her cheek unbow its vestalship* [3, p. 47]. Метафора описывает реальное астрономическое явление: в конце лета – начале осени лунный диск нередко видится более крупным и красным, чем в остальное время. Далее в этом же стихотворении упоминаются ноги (*feet*) Луны, забрызганные соком раздавленного звездного винограда: *Till the gold wine gushed out round her feet; Spouted over her stained wear, And bubbled in golden froth at her feet* [3, p. 50]. В стихотворении «Ode to the Setting Sun» Луна преобразуется так же после того, как Осень целует ее в щеку (*cheek*): *Cold as the new-sprung girlhood of the moon Ere Autumn's kiss sultry her cheek with flame* [3, p. 210].

Наконец, в позднем стихотворении «The Sere of the Leaf» Луна – это ведьма, которая своими «серебряными ногами» погоняет ночное облако, похожее на сказочное чудовище, которое, в свою очередь, пытается гнаться за ней, обнюхивая ее следы: *For the cloud, a thing of ill dilating baleful o'er the hill, Spreads a bulk like a huge Afreet Drifting in gigantic sloth, or a murky behemoth, For the moon to set her silver feet; For the moon's white paces, And its nostril for her traces, As she urges it with wild witch feet* [3, p. 313].

Луна в античной мифологии отождествлялась с богиней колдовства Гекатой, и связь Луны с колдовством и магией сохраняется и в более позднее время.

Существуют и более нейтральные описания черт внешности Луны. В стихотворении «Orient Ode» Солнце шепчет в «белое ушко» Луны: *Thou whisperest in the Moon's white ear* [3, p. 151]. В стихотворении «Ad Amicam» Луна обнажает грудь (*young Moon that bares her nightly breast*) [3, p. 391], но затем, чтобы кормить ребенка.

Одежда. В стихотворении «A Corymbus for Autumn» Луна появляется одетой в некую прекрасную одежду, словно сотканную из цветков желтого касатика: *And she came forth upon the trepidant air, In vesture unimagined-fair, Woven as woof of flag-lilies* [3, p. 50]. Но эта одежда оказывается испачканной во время приготовления вина из звезд (*Till the gold wine... Spouted over her stained wear*). Там же Луна названа «Артемидой в горностае» (*ermind Artemis*), и это облачение, присущее царственному статусу, противопоставляется сельской работе, которую должна выполнять Луна по приказу Осени (*how ermind Artemis Ordained weed must wear, And toil thy business*) [3, p. 51]. В поэме «Sister Songs» «жемчужная» Луна одета в «пестрое платье» (*the freaked kirtle of the pearled moon*) [3, p. 119], с которым сравнивается радужное сияние вокруг лунного диска. Причем слово *kirtle* обозначает средневековую одежду, и закованная в тяжелую парчу Луна противопоставляется «быстрой» Земле в античной легкой тунике: *Swift Tellus' purpled tunic, girt upon With the blown chlamys of her fluttering seas* [3, p. 119]. Наконец, в поэме «Song of the Hours» Утренние часы накидывают на «мертвую Луну» белую погребальную пелену дня: *O'er the dead moon-maid We draw softly the day's white pall* [3, p. 325].

Жилище. Жилище Луны упоминается только один раз. В поэме «The Hound of Heaven» лирический герой, спасаясь от преследований «небесной гончей» (символа Божьего гнева), ищет укрытия во всей Вселенной и, в частности, стучится в «бледные ворота Луны», но они отзываются только «нежным скрежетом» и «серебристым дребезжанием»: *Fretted to dulcet jars And silvern chatter the pale ports o' the moon* [3, p. 53].

Действия. Луна способна к речевой деятельности, как активной, так и пассивной. Стихотворение «Ode to the Setting Sun» кончается словами: *My soul is quitted of death-neighbouring swoon, Who shall not slake her immitigable scars Until she hear 'My sister!' from the moon...* [3, p. 214]. В поэме «Sister Songs» поэт просит Луну выслушать его извинения: *Yet hear how my excuses may prevail, Nor, tender white orb, be thou opposite* [3, p. 101]. В стихотворении «Orient Ode» Луна становится посредницей между поэтом и Солнцем – божеством поэзии: Солнце нашептывает ей на ухо слова, которые она, в свою очередь, «божественным девственным голосом» шепчет поэту: *Thou whisperest in the Moon's white ear, And she does whisper into mine, – By night together, I and she – With her virgin voice divine, The things I cannot half so sweetly tell As she can sweetly speak, I sweetly hear* [3, p. 151]. Луна может ходить – так, в стихотворении «A Corymbus for Autumn» ветер возвещает ее приход и метет перед ней дорогу: *I sweep the path before the moon! Tarry ye now the coming of the moon, For she is coming soon* [3, p. 50], а затем появляется и она сама: «And she came forth upon the trepidant air» [3, p. 50]. В стихотворении «From the Night of Forebeing» упоминается «слабая и хрупкая» запоздалая Луна, застигнутая в небе полуднем (*noon-belated moon* [3, p. 160]). (Луну иногда можно видеть в светлое время суток, но на дневном небе она видна намного хуже, чем на ночном.) Луна целует пряди бегущей девушки: *Whose curls streaming flaxen-golden, By the misted moonbeams kist* («Sister Songs») [3, p. 116]. Наконец, Луну можно смутить слишком смелым взглядом: *For flowers that night-wings fertilize Mock down the stars' unsteady eyes, And with a happy, sleepless glance Gaze the moon out of countenance* («To a Poet Breaking Silence») [3, p. 13].

Профессиональная деятельность, социальные роли. Набор социальных и профессиональных ролей, исполняемых Луной как персонажем, довольно ограничен.

Метафорическая модель MOON IS BELOVED (Луна – возлюбленная) появляется редко. Так, в стихотворении «Nocturn» Луна выступает как тайная возлюбленная Солнца: *For whom but for the stealthy-visitant sun Is the naked moon Tremulous and elate?* [3, p. 254].

В стихотворении «A Corymbus for Autumn», которое строится на образах сельской вакханалии, используется модель MOON IS PEASANT-WOMAN (Луна – крестьянка). Луна отказывается от своей царственной горностаевой мантии, становится работницей винодельни и давит в точиле сок из звездного винограда: *And curdled as of flag-lilies The vapour at the feet of her, And a haze about her tinged in fainter wise; As if she had trodden the stars in press, Till the gold wine spurted over her dress, Till the gold wine gushed out round her feet; Spouted over her stained wear, And bubbled in golden froth at her feet, And hung like a whirlpool's mist round her.* <...> *Her too in autumn turned a vintager* [3, p. 51]. Однако это не ее личный выбор, а приказ вступающей в свои права Осени-вакханки, готовящейся справлять праздник Малых Дионисий, и в нем будет участвовать вся природа. При этом звездное вино, которое давит Луна, дает поэтическое вдохновение и позволяет фантазии художника расширить границы восприятия.

В четвертом сонете из цикла «Ad Amicam» Луна выступает в роли кормилицы (MOON IS WETNURSE), кормящей грудью младенца-Землю: *As the young Moon that bares her nightly breast, And smiles to see the Babe earth suck its fill* [3, p. 391].

Модель MOON IS QUEEN (Луна – королева (царица)), помимо рассмотренного ранее стихотворения «A Corymbus for Autumn» (где Луна всходит на небо подобно царице, но

выглядит крестьянкой, забрызганной соком раздавленного винограда), фигурирует в стихотворении «Ode to the Setting Sun». Здесь Луна выступает как узурпаторша власти свергнутого монарха-Солнца, когда день сменяется ночью: *this loud, lackeying praise Will stay behind to greet the usurping moon, When they have cloud-barred over thee the West* [3, p. 206–207]. Это практически единственный случай активных действий со стороны Луны.

Таким образом, Луна показана как довольно пассивный с социальной точки зрения персонаж, однако пассивность Луны на самом деле кажущаяся, так как именно она, например, управляет приливами и отливами и другими циклами природы: *As the innocent moon, that nothing does but shine, Moves all the labouring surges of the world* [3, p. 108].

Модель MOON IS GODDESS/MYTHOLOGICAL CHARACTER (Луна – богиня/мифический персонаж) также указывает на холодность и пассивность Луны. Помимо упомянутого ранее ее отождествления с богиней Дианой («Sister Songs») или греческим «двойником» Артемидой («A Corymbus for Autumn»), Луна сравнивается и с персонажами других мифологий, в частности библейской. В «Orient Ode» мертвая и блеклая Луна противопоставляется живой и цветущей Земле, как ветхозаветная прапраматерь Ева, виновница грехопадения и смерти, – Богоматери, через которую людям возвращена вечная жизнь: *The moon, O leave, pale ruined Eve; Behold her fair and greater daughter Offers to thee her fruitful water, Which at thy first white Eve shall conceive!* [3, p. 148]. С этой моделью сближается модель MOON IS (AN ATTRIBUTE OF) OUR LADY (Луна – Богоматерь (атрибут Богоматери)). Луна – традиционный элемент католической мариологии, однако сопоставление Луны с Девой Марией у Томпсона встречается довольно редко. Так, в стихотворении «The Dead Astronomer» с Луной сравниваются брови Девы Марии, которую встречает после смерти герой стихотворения – астроном-священник: *She, about whose moonèd brows Seven stars make seven glows, Seven lights for seven woes...* [3, p. 257]. Чаще с Девой Марией сравниваются другие объекты, такие как звезды или Земля.

Группа MOON IS ANIMAL (Луна – это животное). В эту группу входят только две модели, связанные общей семьей «вода, море». В стихотворении «A Corymbus for Autumn» представлена модель MOON IS BIRD (Луна – птица), причем гнездо птицы-Луны находится в море, и сама Луна напоминает морскую птицу (чайку или мифическую алкиону, которая гнездится на волнах): *Far other saw we <...> The crescent moon, in the May-days dead, Fly up with its slender white wings spread Out of its nest in the sea's waved mead* [3, p. 47]. В поэме «Sister Songs» встречается модель MOON IS JELLYFISH (Луна – медуза). Луна, подсвечивающая кромку облака, сравнивается с выброшенной на берег медузой (но троп – не метафора, а сравнение): *And on its slope marge shelving to the night The stranded moon lay quivering like a lustrous Medusa newly washed up from the tide* [3, p. 100], т. е. еще с одним морским обитателем. Связь Луны с водой достаточно распространена в поэзии и мифологии, и эта группа моделей связана с моделью MOON IS LIQUID в группе MOON IS INANIMATE OBJECT.

Группа MOON IS INANIMATE OBJECT (Луна – это неодушевленный предмет). Эта группа моделей также немногочисленна. Как и в предыдущей группе, здесь преобладают модели, связанные с водой. Модель MOON IS LIQUID (Луна – жидкость) встречается в нескольких текстах. Ореол лунного света, играющий переливами опала, сравнивается с купелью или ванной, в которой тают радуги: *Or with mantling poetry Curd to the tincture which the opal hath, Like rainbows thawing in a moonbeam bath* («Sister Songs») [3, p. 92]. Облака

плывут по лунному свету, как парусники по воде: *Clouds in cluster with such a sailing Float o'er the light of the wasting moon* (там же) [3, p. 93]. Луна-медуза подрагивает в лужице собственного тающего света: *The stranded moon lay quivering <...> Lay in an oozy pool of its own deliquious light* [3, p. 100]. Луна пропитывает туман светом, словно влагой: *a maiden Saxon, folden, As she flits, in moon-drenched mist* (там же) [3, p. 116]. Облака-верблюды колышут блестящую серебристую гладь лунного водоема: *The hunched camels of the night Trouble the bright And silver waters of the moon* («Arab Love-Song») [3, p. 299].

В стихотворении «Love Declared» луна дробится на волнах тихой реки, превращаясь в «сливочную вспышку пламени» (*the moon Is shattered to a creamy flicker of flame*) [3, p. 196], и здесь можно видеть сочетание двух противоположных моделей – MOON IS LIQUID и MOON IS FIRE (Луна – огонь).

С водой ассоциируется и модель MOON IS SHIP (Луна – корабль; полумесяц напоминает и корпус корабля или лодки, и раздутый парус). «Белопарусная Луна» оставляет в небе кильватерный след – Млечный Путь: *O'er the foamy wake of the white-sailed moon, Which to men is the Galaxy* («Songs of the Hours») [3, p. 324].

Из моделей, не связанных непосредственно с водой, можно назвать две, касающиеся блеска и света Луны. Модель MOON IS METAL (Луна – металл) встречается, например, в «A Corymbus for Autumn», где изменение цвета Луны осенью сравнивается с ржавчиной от сырых осенних туманов, покрывающей блестящий стальной лунный диск: *Thy mists enclip Her steel-clear circuit illuminous, Until it crust Rubiginous With the glorious gules of a glowing rust* [3, p. 47]. Однако это сравнение не несет негативной коннотации (на что указывают эпитеты *glorious* и *glowing*): Луна, мертвенная в своем совершенстве, оживает, и на ее щеках проступает румянец. Модель MOON IS JEWEL (Луна – драгоценный камень) появляется в «Ode to the Setting Sun» в перечне свадебных подарков, которые подносит Солнце своей невесте-Земле: *Who queened her front with the enrondured moon?* [3, p. 208].

При характеристике образа Луны у Томпсона также следует назвать зеркально противоположные метафорические модели, где MOON относится к области источника, а не цели. Таких моделей две: HUMAN BEING IS MOON (человеческое существо – Луна) и DEATH IS MOON (смерть – Луна).

Первая модель представлена в «The Mistress of Vision»: *There was never moon, Save the white sufficing woman: Light most heavenly-human* [3, p. 132]. Хозяйка таинственного зачарованного сада, который снится лирическому герою, излучает сияние, напоминающее лунное, и при этом она превосходит настоящую Луну тем, что светит постоянно, не превращаясь в полумесяц и не исчезая во время новолуний.

Вторая модель присутствует в стихотворении «An Anthem of Earth», где смерть названа *Tenebrous moon that flux and reflux draws Of the high-tided man* [3, p. 230]. При этом для Томпсона в сопоставлении Луны со смертью нет негативного оттенка: М. Дж. Керни, ссылаясь на интерпретации текстов Томпсона у современных ей католических авторов, отмечает, что такая неразрывная диалектическая связь жизни и смерти – для Томпсона свидетельство Божественного замысла [4, p. 131], и как для Луны естественно управлять приливами и отливами, так и для смерти естественно управлять сменой поколений людей.

2. Солнце. Исследователи неоднократно отмечали, что Солнце – центральная мифологема в творчестве Томпсона [1, с. 56–58]. Так, У. Б. Димонд написал диссертацию, полно-

стью посвященную образу Солнца у Томпсона [5], однако в его работе основной акцент делается не столько на особенностях языка и стиля автора, сколько на религиозном подтексте его стихотворений, и эта работа не свободна от ошибок.

Группа SUN IS HUMAN BEING (Солнце – это человеческое существо). Эта группа, как и в случае с образом Луны, самая частотная, однако по ряду параметров образы Солнца и Луны противопоставляются. Применительно к Солнцу также нередко употребляется местоимение, указывающее на его антропоморфизм – *he*, а не *it*, и часто к Солнцу поэт обращается во втором лице, как к живому собеседнику (*thou*), тогда как в диалог с Луной он вступает крайне редко.

Соматизмы. Из соматизмов в связи с Солнцем чаще всего упоминаются глаза. В «Orient Ode» Солнце бросает на Землю влюбленные взгляды (*gazes*), и она под их чарами расцветает: *Thy gazes do on simple her Desirable allures confer; What happy comelinesses rise Beneath thy beautifying eyes! <...> Yea, thy gazes, blissful lover, Make the beauties they discover!* [3, p. 149]. Глаза Солнца (тоже направленные на Землю) упоминаются в «Ode to the Setting Sun»: *Her teeming centuries Drew being from thine eyes* [3, p. 209]. Там же ночь накидывает покров на «сияющие глаза» Солнца, умирающего подобно распятому Христу: *Who dost but hood thy glorious eyes with night?* [3, p. 206].

Волосы Солнца тоже фигурируют в нескольких стихотворениях. В «The Mistress of Vision» лирический герой сравнивает свое поэтическое дерзновение с желанием поиграть с локонами (*tresses*) Солнца: *O dismay! I, a wingless mortal, sporting With the tresses of the sun?* [3, p. 135]. В «Ode to the Setting Sun» несколько раз упоминаются кудри (*curls*) Солнца, то закрывающие ему уши и мешающие слушать обращенную к нему песнь (*Fling from thine ear the burning curls, and hark A song...* [3, p. 206]), то намокшие от дождей во время предвечного мирового катаклизма (*the high-danced whirls Of the tossed scud made hiss thy drenched curls* [3, p. 209]).

Несколько соматизмов связано непосредственно с жизнью и жизненной силой, которые дает Солнце. В «Orient Ode» солнечный свет сравнивается с кровью, которую пьет неистовая менада-Земля: *Thy proper blood dost thou not give, That Earth, the gusty Maenad, drink and dance?* [3, p. 153]. В стихотворении «The Veteran of Heaven» лирический герой, не желая помянуть Сатану всуе, говорит, что его имя столь ужасно, что способно остановить кровь в жилах у самого Солнца: *And his name would turn the Sun's blood back upon its heart* [3, p. 295]. В стихотворении «An Anthem of Earth» смерть сгущает дыхание Солнца (*thicks the lusty breathing of the sun*) [3, p. 230], т. е. превращает его животворное тепло в губительный зной.

Таким образом, в облике Солнца менее, чем в облике Луны, подчеркиваются конкретные детали и при этом делается акцент на функции, выполняемой персонажем.

Одежда. Одежда Солнца упоминается так же редко и описывается со столь же малым количеством деталей, как и одежда Луны. В «Orient Ode» лучи восходящего Солнца уподобляются плюмажу на воинском шлеме: *thy plumes shiver against the conscious gates of morn* [3, p. 149]. В «Ode to the Setting Sun» горящий в печи каменный уголь становится подобен Солнцу «в алом одеянии»: *How is his countenance half-divine, Like thee in thy sanguine weeds?* [3, p. 209]. В стихотворении «The Sere of the Leaf» закатное солнце одето в «индийскую мантию» – вероятно, имеется в виду оранжевая одежда буддийского монаха: *Now the sun, in*

Indian pall, Treads the russet-amber fall From the ruined trees of Heaven [3, p. 313]. Вероятно, здесь подразумевается игра слов, так как *pall* (это же слово встречается и при описании Луны) означает и «гробовой покров», и «завеса», и «омрачать», при этом огненные цвета заката ассоциируются с принятым в Индии обрядом кремации умерших.

Жилище. Жилище Солнца, как и жилище Луны, упоминается только один раз и скорее в ироническом ключе. В «The Victorian Ode» «в прихожей у Солнца» (т. е. на самом отдаленном Востоке) располагается Япония: *Let India send her turbans, and Japan Her pictured vests from that remotest isle Seated in the antechambers of the Sun* [3, p. 365].

Действия. Солнце, как и Луна, способно к речевой деятельности: оно шепчет Луне на ухо (*Thou whisperest in the Moon's white ear*), оно может услышать и понять речь поэта, обращенную к нему. В «The Sere of the Leaf» Солнце ступает (*treads*) по «рыже-янтарной опавшей листве погибших небесных деревьев»: *Now the sun... Treads the russet-amber fall From the ruined trees of Heaven* [3, p. 313]. Кроме того, Солнце производит целый ряд действий, связанных с той или иной профессией или должностью (см. далее).

Профессиональная деятельность, социальные роли. В творчестве Томпсона Солнце – не просто антропоморфное существо, но активно действующий персонаж, выступающий в разнообразных социальных (от крестьянина до монарха) и матримониальных (жених, муж) статусах.

Одной из основных моделей, характеризующих поведение Солнца, является модель SUN IS BRIDEGROOM/HUSBAND/LOVER (Солнце – жених/муж/любовник). Энергия Солнца, оживляющая и оплодотворяющая природу, нередко описывается у Томпсона в эротическом ключе. Невестой или возлюбленной Солнца выступает чаще всего Земля. Так, в стихотворении «Orient Ode» лучи рассвета, озаряющие скрытую ночной тенью Землю, уподобляются комплиентам влюбленного, слыша которые неуверенная в себе и считающая себя некрасивой девушка осознает свою истинную красоту: *Who was, indeed, at first a maid Such as, with sighs, misgives she is not fair, And secret views herself afraid. Till flatteries sweet provoke the charms they swear: What dainty guiles and treacheries caught From artful prompting of love's artless thought Her lowly loveliness teach her to adorn, When thy plumes shiver against the conscious gates of morn!* [3, p. 149]. Смена времен суток сравнивается с любовными играми, когда девушка-Земля то ускользает из объятий юноши-Солнца, то возвращается к нему: *Though dear recoil, the tremorous nurse of joy, From thine embrace still startles coy, Till Phosphor lead, at thy returning hour, The laughing captive from the wishing West* [3, p. 149]. В стихотворении «Ode to the Setting Sun» взаимоотношения Земли и Солнца – это уже свадебная церемония, и наступление рассвета ассоциируется с женихом, поднимающим фату с лица невесты: *Thou didst draw to thy side Thy young Auroral bride, And lift her veil of night and mystery* [3, p. 208]. Там же перечисляются драгоценные подарки, которыми Солнце осыпает Землю: *Who scarfed her with the morning? and who set Upon her brow the day-fall's carcanet? Who queened her front with the enrondured moon? Who dug night's jewels from their vaulty mine To dower her <...>?* [3, p. 208]. Однако иногда возлюбленной Солнца становится и Луна: *For whom but for the stealthy-visitant sun Is the naked moon Tremulous and elate?* («Nocturn») [3, p. 254]. Наконец, Солнце выступает супругом всей Вселенной: *Thou to thy spousal universe Art Husband, she thy Wife and Church; Who in most dusk and vidual curch, Her Lord being hence, Keeps her*

cold sorrows by thy hearse («Orient Ode») [3, p. 153]. Здесь объединяются модели SUN IS BRIDEGROOM/HUSBAND/LOVER и SUN IS GOD (о которой речь пойдет далее). В стихотворении «Of Nature: Laud and Plaint» Заря пытается соблазнить «женатое» Солнце (*Once more, once more to see the Dawn unfold Her rosy bosom to the married Sun* [3, p. 384]), но здесь ситуация выглядит скорее комически и не лишена авторской самоиронии.

Модель SUN IS BACCHANT (Солнце – вакхант) представлена в «A Corymbus for Autumn»: *The sopped sun – toper as ever drank hard – Stares foolish, hazed, Rubicund, dazed, Totty with thine October tankard* [3, p. 47]. Здесь Солнце, напившееся до умопомрачения на осенней вакханалии, выглядит комично, однако его ассоциация с крестьянином на празднике в честь бога Вакха-Диониса или с самим Дионисом может иметь трагические и христологические коннотации. И Дионис, и Христос в той или иной степени ассоциируются с вином и виноградной лозой, и история страданий, смерти и воскресения Диониса отдаленно напоминает Страсти Христовы. В этом же стихотворении эксплицитно представлена еще одна модель, описывающая Солнце как крестьянина, занятого мирным трудом – SUN IS SHEPHERD (Солнце – пастух): *the shepherd Sun That washes in the sea the stars' gold fleeces* [3, p. 51]. Однако образ Солнца – небесного пастуха также ассоциируется с Христом – Добрым Пастырем.

Две следующие модели подчеркивают творческий аспект образа Солнца. Модель SUN IS WORKER/CREATOR (Солнце – рабочий/творец) описывает его как мастера, который раздувает горн, воздвигает колоннады и производит другие операции, и таким образом участвует в сотворении мира, давая жизнь животным и растениям: *Who lit the furnace of the mammoth's heart? Who shagged him like Pilatus' ribbed flanks? Who raised the columned ranks Of that old pre-diluvian forestry..? Thou rear'dst the enormous brood* [3, p. 209]; *Who made the splendid rose Saturate with purple glows?* («Ode to the Setting Sun») [3, p. 210].

Модель SUN IS POET/MUSICIAN/ARTIST (Солнце – поэт/музыкант/художник) изображает Солнце уже не творцом материальных объектов, а изобретателем искусств и наставником людей в том, как переводить созвучия «небесной арфы» и «огнеструнной псалтири» на язык, понятный простым смертным: *Know'st thou me not, O Sun? Yea, well Thou know'st the ancient miracle, The children know'st of Zeus and May; And still thou teachest them, O splendid Brother, To incarnate, the antique way, The truth which is their heritage from their Sire In sweet disguise of flesh from their sweet Mother. My fingers thou hast taught to con Thy flame-chorded psalterion, Till I can translate into mortal wire – Till I can translate passing well – The heavenly harping harmony, Melodious, sealed, inaudible, Which makes the dulcet psalter of the world's desire* («Orient Ode») [3, p. 151]. Здесь Солнце имплицитно представлено в ипостаси бога музыки и поэзии Аполлона (а себя автор сравнивает с младшим братом Аполлона, Гермесом, одна из обязанностей которого – быть посредником между людьми и богами и переводить божественные повеления на человеческий язык). Однако Солнце учит лирического героя не просто поэзии, а прославлению истинного Бога.

Еще две модели характеризуют Солнце уже не как мирное и кроткое, а как карающее и агрессивное. Оно не только дает жизнь, но и отнимает ее, может устрашать и гневаться. Модель SUN IS WARRIOR (Солнце – воин) представлена, например, в «Orient Ode»: рассвет показан как прорыв полководца-Солнца на территорию вражеского укрепления: *Through*

breached darkness' rampart, a Divine assaulter, art thou come! [3, p. 148], или как почти апокалиптическая картина, сопровождаемая трубным сигналом из стана Солнца: *And what want I of prophecy, That at the sounding from thy station Of thy flagrant trumpet, see The seals that melt, the open revelation?* [3, p. 152].

В стихотворении «From the Night of Forebeing» пасхальное утро, знаменующее победу света над тьмой, весны над зимой и жизни над смертью, описывается как победный марш Солнца в сопровождении герольда Марта и знаменосца Мая: *And the Sun comes with power amid the clouds of heaven! Before his way Went forth the trumpet of the March; Before his way, before his way Dances the pennon of the May!* [3, p. 160]. Метафорическая модель SUN IS HUNTER (Солнце – охотник) сближается с моделью SUN IS WARRIOR, подчеркивая грозный и воинственный аспект образа Солнца. В «Orient Ode» присутствует развернутая метафора устройства Солнечной системы, в которой Солнце – не то хищный зверь (лев), преследующий планеты, как добычу, не то охотник со сворой планет-гончих (кто в этом случае добыча – непонятно): *Thou as a lion roar'st, O Sun, Upon thy satellites' vexed heels; Before thy terrible hunt thy planets run; Each in his frightened orbit wheels, Each flies through inassuageable chase, Since the hunt o' the world begun, The puissant approaches of thy face, And yet thy radiant leash he feels, Since the hunt o' the world begun. Lashed with terror, leashed with longing, The mighty course is ever run; Pricked with terror, leashed with longing, Thy rein they love, and thy rebuke they shun, Since the hunt o' the world began...* [3, p. 150]. На то, что планеты – это гончие псы Солнца, любящие и боящиеся своего хозяина, указывает слово *leash* (поводок, сворка), а выражением *lashed with terror, leashed with longing* (подстегиваемые страхом, обузданные любовью) метафорически описывается поведение планет под влиянием гравитационного притяжения, удерживающего их на орбитах и не дающего им ни упасть на Солнце, ни покинуть Солнечную систему.

Наконец, следующие две модели характеризуют Солнце как персонаж, облеченный властью (мирской или духовной). Модель SUN IS PRIEST (Солнце – священник) также возникает при метафоризации гравитационного притяжения. В стихотворении «Song of the Hours» Солнце раскачивает Землю, словно кадило во время богослужения: *while the sun with his hid chain swings Like a censer around him the blossom-sweet earth* [3, p. 324]. В стихотворении «Ad Castitatem» Солнце-священник навечно отпускает грехи водам по причине их природной чистоты и безгрешности: *... the waters bare Their bosoms to the air, And with confession never done Admit the sacerdotal sun, Absolved eternally By his asperging eye* [3, p. 344]. Модель SUN IS KING (Солнце – царь) реализуется в двух противоположных по смыслу ситуациях. В «Ode to the Setting Sun» заходящее Солнце сравнивается со свергнутым государем «лазурной империи», лишенным власти (хотя и не лишенным величия) и сброшенным с «древнего трона»: *O setting Sun, that as in reverent days Sinkest in music to thy smoothed sleep, Discrowned of homage, though yet crowned with rays* [3, p. 206]; *shaken from thine antique throne, And sunken from thy coerule empery* [3, p. 211]. В стихотворении же «Song of the Hours» Утренние часы, готовя наступление рассвета, спрашивают друг у друга: *Is it ready, the burnished bridge We must cast for our King o'er the sea?* [3, p. 328], т. е. Солнце вернуло себе трон и готово снова вступить в свои владения.

Несмотря на то, что Солнце в подавляющем большинстве случаев выступает в мужском облике, оно бывает и андрогинным и может исполнять функции, свойственные женщине (SUN IS WETNURSE (Солнце – кормилица)), например, кормить грудью: *twi-form deity, nurse at once and sire! Thou genitor that all things nourishest! The earth was suckled at thy shining breast, And in her veins is quick thy milky fire* («Ode to the Setting Sun») [3, p. 208]. Впрочем, в роли кормилицы выступает и Луна (см. выше).

Все эти модели, так или иначе, связаны с центральной для творчества Томпсона моделью SUN IS GOD/SUN IS CHRIST (Солнце – бог/Солнце – Христос). Солнце ассоциируется с языческими богами (Дионисом, Аполлоном, титаном Гиперионом), ветхозаветным Богом, но прежде всего – с Христом. Как отмечает М. Дж. Керни, «Orient Ode» – один из первых примеров поэтического изложения католической доктрины о Мистическом Телес Христовом [4, p. 132], т. е. о единстве Христа и Церкви, в роли которой здесь выступает вся Вселенная. Однако эти же идеи можно встретить и в других произведениях Томпсона. В начале «Orient Ode» восход Солнца описывается как сцена из Ветхого завета (несение ковчега Завета, перед которым пляшет царь Давид) (2 Цар. 6): *God whom none may live and mark! Borne within thy radiant ark, While the Earth, a joyous David, Dances before thee from the dawn to dark* [3, p. 148]. В «Ode to the Setting Sun» присутствует и отсылка к этой же сцене (в том числе упоминание музыкальных инструментов), и отсылка к сцене уже из Нового завета – Входу в Иерусалим (с упоминанием пальмовых ветвей, которые жители Иерусалима бросали под ноги Иисусу): *High was thine Eastern pomp inaugural; But thou dost set in statelier pageantry, Lauded with tumults of a firmament: Thy visible music-blasts make deaf the sky, Thy cymbals clang to fire the Occident, Thou dost thy dying so triumphally: I see the crimson blaring of thy shawms! Why do those lucent palms Strew thy feet's failing thicklier than their might?..* [3, p. 206].

В «Orient Ode» лирический герой уподобляет себя одному из волхвов, пришедших поклониться младенцу Христу, но вместо золота, ладана и смирны он дарит Солнцу свои стихи: *Lo, of thy Magians I the least Haste with my gold, my incenses and myrrhs, To thy desired epiphany, from the spiced Regions and odorous of Song's traded East* [3, p. 153]. При этом бог-Солнце подчиняется христианскому Богу и может только уподобляться ему, но не быть ему равным, как творение не может быть равно Творцу: *Not unto thee, great Image, not to thee Did the wise heathen bend an idle knee <...> God has given thee visible thunders To utter thine apocalypse of wonders; And what want I of prophecy, That at the sounding from thy station Of thy flagrant trumpet, see The seals that melt, the open revelation?* [3, p. 152]; *Thou dost image, thou dost follow That King-Maker of Creation, Who, ere Hellas hailed Apollo, Gave thee, angel-god, thy station <...> Like Him thou hang'st in dreadful pomp of blood Upon thy Western rood* [3, p. 211].

Дева Мария в стихотворении «Assumpta Maria» говорит о себе: *I the Hostel of the Sun am* [3, p. 177], но Солнце в данном случае – иносказание для Христа, и здесь можно также видеть зеркально противоположную модель, распространенную в христианской гимнографии – CHRIST IS SUN (Христос – Солнце): *Whence He sprung, there He returneth, Mystic Sun, – the Virgin's Womb, Hidden Sun, His beams so near us, Cloud enpillared as He was From of old, there He, Ischyros, Waits our search, Athanatos* [3, p. 179].

Группа SUN IS ANIMAL (Солнце – это животное). Эта группа моделей, как и в случае с образом Луны, – самая немногочисленная, и обе входящие в нее модели тоже связаны

Образы Луны и Солнца в поэзии Ф. Г. Томпсона 139

между собой, но в данном случае – общим прецедентным текстом (Библией). Модель SUN IS LION (Солнце – лев) использована в «Orient Ode»: *Samson's riddling meanings merging In thy twofold sceptre meet: Out of thy minatory might, Burning Lion, burning Lion, Comes the honey of all sweet, And out of thee, the eater, comes forth meat* [3, p. 150], однако здесь имплицитно представлена и модель SUN IS BEE (Солнце – пчела). Словосочетание *Samson's riddling* отсылает к тексту библейской Книги Судей, а именно к загадке Самсона о пчелах в мертвом льве: «из ядущего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое» (Суд. 14:14), в Библии короля Иакова: *Out of the eater came forth meat, and out of the strong came forth sweetness*. Если в тексте Библии мертвый лев – просто вместилище пчелиной колонии и играет пассивную роль, то у Томпсона Солнце – «пылающий лев», само порождает «сладчайший мед» жизни, радости и благодати, а так как мед производят пчелы, то Солнце здесь одновременно и лев, и пчела. Модель SUN IS BEE представлена и в «Ode to the Setting Sun»: *If with exultant tread Thou foot the Eastern sea, Or like a golden bee Sting the West to angry red* [3, p. 212]. Здесь заметна отсылка к другому выражению библейского происхождения: «Смерть, где твое жало?» (*O death, where is thy sting?*). Запад как часть света ассоциируется с закатом, тьмой и смертью, и заходящее солнце, уподобленное в этом же стихотворении распятому Христу (см. выше), жалит западное небо, знаменуя победу над «жалом смерти» и предвещая свое утреннее возвращение к жизни.

Группа SUN IS INANIMATE OBJECT (Солнце – неодушевленный предмет). Эта группа тоже немногочисленна по сравнению с группой SUN IS HUMAN BEING, но более многочисленна по сравнению с группой MOON IS INANIMATE OBJECT.

Модель SUN IS MUSICAL INSTRUMENT (Солнце – музыкальный инструмент), вероятно, связана с явлением синестезии (красно-оранжевая гамма рассветного или закатного неба ассоциируется с громкими, резкими и при этом торжественными звуками). Музыкальные инструменты (трубы, кимвалы, шалмеи) упоминаются как атрибуты Солнца-воина, Солнца-государя или Солнца-бога, однако Солнце и само по себе может издавать звуки, напоминающие звуки гонга или барабана и способные вызывать землетрясение: *So fearfully the sun doth sound Clanging up beyond Cathay; For the great earthquaking sunrise rolling up beyond Cathay* («The Mistress of Vision») [3, p. 135].

Модель SUN IS LIQUID (Солнце – жидкость) употребляется редко. В стихотворении «Song of the Hours» облака сравниваются с «белоснежными скакунами», купающимися «в потоках Солнца»: *While the winds in their tricksome courses The snowy steeds vault upon That are foaled of the white sea-horses And washed in the streams of the sun* [3, p. 327].

Чаще применительно к образу Солнца употребляются модели, связанные со светом, огнем и жаром, что вполне естественно. При этом модель SUN IS FIRE (Солнце – огонь) также не слишком частотна (по крайней мере, в эксплицитном виде). Она встречается, например, в «Ode to the Setting Sun»: *The red sun, A bubble of fire, drops slowly toward the hill* [3, p. 205]. В «Orient Ode», помимо модели SUN IS FIRE, фигурирует модель SUN IS (BURNING) COAL (Солнце – горящий уголь), отсылающая к Книге пророка Исаи: *Lo, my suit pleads That thou, Isaian coal of fire, Touch from yon altar my poor mouth's desire, And the relucant song take for thy sacred meeds* [3, p. 152]. Солнце, дающее поэту вдохновение, сравнивается с углем, взятым с жертвенника, которым серафим касается уст пророка, очищая его от грехов

(Ис. 6:6-7). Модель SUN IS LAMP (Солнце – светильник) имплицитно присутствует в стихотворении «Buona Notte» в монологе лирического героя – призрака поэта Шелли, который рассказывает возлюбленной, Джейн Уильямс, о своей гибели во время шторма: *Tempest curtained me about And turned the sun with his own hand out* [3, p. 300]. Название стихотворения (отсылка к последнему письму Уильямс к Шелли) переводится с итальянского как «Спокойной ночи», и смерть выглядит мирным отходом ко сну: шторм, словно заботливая нянька или мать, задерживает занавеси у кровати персонажа и гасит солнце, как ночник.

Отдельную группу составляет подгруппа моделей SUN IS OBJECT OF WORSHIP (Солнце – предмет богослужения), связанная с моделью SUN IS GOD/SUN IS CHRIST: Солнце – и бог (или метафора христианского Бога), и то, с помощью чего ему служат. Стихотворение «Orient Ode» открывается развернутой метафорой смены времен суток как ритуала адорации, в основе которой лежит модель SUN IS HOST (Солнце – гостия; в данном случае нельзя говорить о полностью неодушевленном объекте, если иметь в виду символизм гостии как Тела Христова): *Day, a dedicated priest In all his robes pontifical exprest, Liftheth slowly, liftheth sweetly, From out its Orient tabernacle drawn, Yon orb'd sacrament confest Which sprinkles benediction through the dawn; And when the grave procession's ceased, <...> Sets, for high close of the mysterious feast, The sun in august exposition meetly Within the flaming monstrance of the West* [3, p. 148]. При адорации преждеосвященные Св. Дары (гостия, круглый хлебец для причастия) выставляются на алтарь в монстрации (*monstrance*) – сосуде, напоминающем солнце с расходящимися лучами. К ритуалу причастия отсылают и другие строки из этого же стихотворения: *in glad twinkling advent, thou dost dwell Within our body as a tabernacle! <...> The heavens renew their innocence And morning state But by thy sacrament communicate <...> Thou, for the life of all that live The victim daily born and sacrificed <...> To thee, O Sun – or is't perchance, to Christ?* [3, p. 153]. В «The Mistress of Vision» при описании волшебного сада Госпожи Видений в колеблющемся свете низко стоящего над горизонтом солнца, лучи которого напоминают ладанный дым, используется модель SUN IS THURIBLE (Солнце – кадило), хотя сам использованный троп – сравнение, а не метафора: *The sun which lit that garden wholly, Low and vibrant visible, Tempered glory woke; And it seemed solely Like a silver thurible Solemnly swung, slowly...* [3, p. 132]. Метафорическая модель SUN IS CUP (Солнце – чаша), используемая в стихотворении «The Song of Hours» при описании рассвета, хотя и не может быть безоговорочно отнесена к этой группе (это может быть и чаша для причастия, и сосуд с жертвенной кровью, и обычный кубок вина), но некий религиозный или магический ритуал здесь явно подразумевается: *The bowed East liftheth the dripping sun, A golden cup, to the lips of Night, Over whose cheek in flushes run The heats of the liquid light* [3, p. 328].

Заключение. На основании анализа текстового материала можно прийти к следующим выводам. Образы Луны и Солнца противопоставляются по ряду параметров. Солнце – центральный образ в творчестве Томпсона, активно действующий и даже агрессивный персонаж, ассоциирующийся с творчеством, поэзией, музыкой, страстью, огнем и светом, наполняющий Вселенную жизнью, красотой и любовью и нередко уподобляющийся Христу (хотя языческие элементы в его образе тоже присутствуют). Луна – зачастую холодная, пассивная, целомудренная, более связанная с языческой мифологией и ассоциирующаяся с водой или

металлом, однако нельзя в полной мере противопоставлять ее Солнцу, как женское начало – мужскому, так как Солнце может быть андрогинным. И Луна, и Солнце могут ассоциироваться со смертью и умиранием, но именно Луна связана со смертью напрямую, при этом связь Луны со смертью не делает ее образ негативным: Луна отвечает за смену природных циклов, в том числе за смену поколений. И Солнце, и Луна связаны с поэтическим творчеством, при этом Луна выступает как посредница между Солнцем – божеством поэзии, и людьми, пересказывая им слова Солнца и готовя звездное вино, дарующее вдохновение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казакова О. В. Поэтика Фрэнсиса Томпсона: дис. ... канд. филол. наук / МГУ. М., 2003.
2. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.
3. Thompson F. H. *The Collected Poetry of Francis Thompson*. London: Hodder & Stoughton, 1913.
4. Kearney M. J. *Francis Thompson and His Relationship to the 1890's*. Chicago, 1947. URL: https://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1636&context=luc_theses (дата обращения: 05.07.2023).
5. Dimond W. B. *The Sun in the Poetry of Francis Thompson*. Chicago, 1936. URL: https://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1139&context=luc_theses (дата обращения: 05.07.2023).

Информация об авторе.

Семенихина Мария Васильевна – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литера А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 17 научных публикаций. Сфера научных интересов: германские языки, классическая филология, английская литература, поэтика художественного текста.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 17.07.2023; принята после рецензирования 15.09.2023; опубликована онлайн 21.12.2023.*

REFERENCES

1. Kazakova, O.V. (2003), "The Poetics of Francis Thompson", Can. Sci. (Philology) Thesis, MSU, Moscow, RUS.
2. Lakoff, G. and Johnson, M. (1980), *Metaphors We Live by*, Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
3. Thompson, F.H. (1913), *The Collected Poetry of Francis Thompson*, Hodder & Stoughton, London, UK.
4. Kearney, M.J. (1947), *Francis Thompson and His Relationship to the 1890's*, Chicago, 1947, available at: https://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1636&context=luc_theses (accessed 05.07.2023).
5. Dimond, W.B. (1936), *The Sun in the Poetry of Francis Thompson*, Chicago, 1936, available at: https://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1139&context=luc_theses (accessed 05.07.2023).

Information about the author.

Maria V. Semenikhina – Senior Lecturer at the Department of Romance and Germanic Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of 17 scientific publications. Area of expertise: Germanic languages, Classical philology, English literature, poetic of literary text.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 17.07.2023; adopted after review 15.09.2023; published online 21.12.2023.*